Погребение Бориса и Глеба, «проявление» и перенесение их мощей, чудесные исцеления от мощей изображены весьма кратко и условно, как и в предыдущих иконах.

Особое место в иконе занимают две последние сцены (рис. 2). В одной из них представлена ладья с белым парусом. В ладье — Борис и Глеб и группа гребцов с поникшими головами. Надпись: «...[Свя]тые к[нязья] Борис и Глеб... на помощь ко князю Але[кс]анд[ру] Н[евс]кому... [гре]бцы же яко мглою...» Сцена является прямой иллюстрацией эпизода жития Александра Невского. Изображено явление Бориса и Глеба «старейшине земли ижорской Пелгусию» в ночь накануне Невской битвы. Надпись свидетельствует о непосредственном знакомстве автора иконы с текстом жития (в житии говорится о гребцах, сидевших, «аки мглою одени»).[90]

Во второй сцене изображены Борис и Глеб, скачущие во главе войска и обращающие в бегство конницу неприятеля. У вражеских воинов — восточные типы лиц. Здесь же, в облаках, также представлены Борис и Глеб. Надпись: «Святые... Борис и Глеб изо облак небесных исшед... ах... противных пол[ки]... князю Димитрию на Донском... и во Азове граде». Сцена совмещает два эпизода, изображая помощь Бориса и Глеба русскому войску на Куликовом поле и в Азове во время «осадного сидения». Помощь «небесного воинства» русскому войску на Куликовом поле описывается и в летописной повести «О Донском бою», и в «Слове о житии и представлении великого князя Димитрия Ивановича», и в «Сказании о Мамаевом побоище»: «Откры ему [бог] видение, в нощи той видев: на востоце облак изрядно идяще от востока, из него же изыдоша два юноши светлы, имуще в обоих руках мечи остры и ркуще полковником [татарским]: кто вам повеле требити отечество наше? Нам бо дарова Господь. И начаша их сечи».[91] «Поэтическая повесть об азовском осадном сидении, некоторые образы которой связаны со «Сказанием о Мамаевом побоище», передает рассказ «языков», подробно описывающих «страшное видение»: «На небеси над нашими полки бусурманскими шла великая и страшная туча от Русии, от вашего царства Московского. И стала она против самого табору нашего, а перед нею, тучею, идут по воздуху два страшные юноши, а в руках своих держат мечи обнаженные, а грозятся на наши полки бусурманские... Тою нощию... страшные воеводы азовские во одежде ратной выходили на бой в приступы наши из Азова града, — пластали нас и в збруях наших надвое...»[92]

Борис и Глеб издавна почитались как покровители воинства. Сюжеты, связанные с этим почитанием, отразились в некоторых иконах. Например, в трех новгородских иконах конца XV в. «Битва суздальцев с новгородцами» («Чудо от иконы Знамение») Борис и Глеб изображены во главе войска новгородцев. В знаменитой иконе середины XVI в. «Церковь воинствующая» они представлены вместе с московским войском. Сцены явления Бориса и Глеба «Пелгусию» встречаются в иконах, изображающих житие Александра Невского.[93] Однако в житийных иконах Бориса и Глеба подобные сюжеты не встречались. Кроме того, сцены, представлен-

---

[90] В. Мансикка. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913, стр. 4.

[91] Русский исторический сборник, т. III, ч. 1. М., 1838, стр. 48.

[92] Воинские повести древней Руси. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР. М.—Л., 1949 (серия «Литературные памятники»), стр. 80.

[93] Например, в иконе начала XVII в., хранящейся в церкви Входа в Иерусалим Покровского собора (собора Василия Блаженного) в Москве. Традиционность этого изображения доказывается его наличием и в иконе начала XIX в. Гос. Русского музея.